

DOI: 10.12731/2576-9634-2025-9-3-241
УДК 347.63:618.19

EDN: TPJACL

Научная статья

ПРАКТИКА РАЗРЕШЕНИЯ ТИПОВЫХ СПОРОВ МЕЖДУ ГЕНЕТИЧЕСКИМИ РОДИТЕЛЯМИ И СУРРОГАТНОЙ МАТЕРЬЮ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ОКАЗАНИЯ УСЛУГ СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА

Д.И. Джулай

Аннотация

Обоснование. Настоящая статья посвящена анализу сложившейся практики разрешения споров, характерных для договора суррогатного материнства, обобщению рассматриваемых конфликтов и позиций российских судов в виде соответствующих типовых моделей.

Несмотря на то, что фокус настоящего исследования, в основном, сосредоточен на изучении актуальных тенденций и устоявшихся сценариев разрешения конфликтов между участниками (сторонами) договора об оказании услуг суррогатного материнства в России, в отдельных случаях к соответствующим правоотношениям применяется общемировой контекст.

В частности, в статье анализируется исключительное влияние прецедентного решения Верховного суда штата Нью-Джерси по делу «Стернов против Уайтхэд» на формирование актуального этико-правового дискурса по вопросам правового регулирования гражданско-правовых правоотношений, связанных с реализацией вспомогательных репродуктивных технологий, во всем мире. Ключевые изменения российского законодательства в сфере регламентации условий предоставления услуг суррогатного материнства также исследуются с учетом особого места России на мировом рынке вспомогательных репродуктивных технологий.

Цель. Целью данной статьи является всестороннее раскрытие правовой природы и типовых моделей споров между генетически-

ми родителями и суррогатной матерью в современной российской практике, а также обоснование необходимости пересмотра «презумпции материнства» и устранения противоречий, выявленных в результате анализа актуальной судебной практики и доктринальных подходов.

Методология. Исследование основано на совокупном применении сравнительно-правового, формально-юридического и системного методов, а также принципа историко-правового анализа – в отношении судебной практики и нормативно-правовых актов федерального законодательства.

Результаты. Результаты исследования заключаются в формулировании авторских выводов о необходимости упразднения архаичного института т. н. «презумпции материнства», законодательной фиксации приоритета генетического родительства, создании эффективного механизма защиты суррогатной матери от рисков отказа генетических родителей, а также устранении дискриминационных ограничений на доступ к вспомогательным репродуктивным технологиям для отдельных категорий граждан.

Область применения результатов. Полученные результаты могут быть использованы при разработке и совершенствовании нормативных правовых актов в сфере семейного и гражданского права, в экспертной и законотворческой деятельности, а также в рамках учебных курсов и научно-практических комментариев по вопросам регулирования суррогатного материнства и репродуктивных прав граждан.

Ключевые слова: искусственное оплодотворение; экстракорпоральное оплодотворение; ЭКО; договор возмездного оказания медицинских услуг; договор оказания услуг суррогатного материнства; суррогатное материнство; презумпция материнства

Для цитирования. Джулай, Д. И. (2025). Практика разрешения типовых споров между генетическими родителями и суррогатной матерью по результатам оказания услуг суррогатного материнства. *Russian Studies in Law and Politics / Российские исследования. Право и политика*, 9(3), 125–150. <https://doi.org/10.12731/2576-9634-2025-9-3-241>

Original article

RESOLVING COMMON DISPUTES BETWEEN GENETIC PARENTS AND SURROGATES IN RUSSIAN SURROGACY ARRANGEMENTS

D.I. Dzhulai

Abstract

Background. This article examines the prevailing practice of resolving disputes characteristic of surrogacy agreements, generalising these conflicts and the approaches of Russian courts in the form of representative dispute models. Although the primary focus of this study is on the analysis of current trends and established scenarios for resolving conflicts between the parties to surrogacy service contracts in Russia, the relevant legal relations are, where appropriate, considered within a global comparative context. In particular, the article analyses the exceptional influence of the landmark decision of the Supreme Court of New Jersey in *Sterns v. Whitehead*, which continues to shape the modern ethical and legal discourse on the civil-law regulation of assisted reproductive technologies (ART) worldwide. The article also addresses the key amendments to Russian legislation governing the provision of surrogacy services, taking into account Russia's distinctive position in the global reproductive technologies market.

Purpose. The purpose of this article is to examine the legal nature and typical dispute models arising between genetic (intended) parents and surrogate mothers in contemporary Russian practice, and to justify the need for revising the presumption of maternity while eliminating contradictions identified through the analysis of relevant case law and doctrinal approaches.

Methodology. This research combines comparative legal, formal doctrinal, and systemic methods, along with a historical-legal approach to the analysis of court decisions and statutory frameworks.

Results. The study concludes that the outdated doctrine of the presumption of maternity should be repealed, the principle of genetic parenthood should be firmly enshrined in law, and an effective mechanism must be put

in place to protect surrogate mothers from the financial and legal risks that arise when intended parents refuse to assume parental responsibility.

Practical implications. The results of the study may inform the drafting and reform of family and civil law provisions, support expert advisory work and legislative initiatives, and contribute to academic courses and legal commentaries on surrogacy and reproductive rights.

Keywords: cryopreservation; cryopreserved germ cells; human tissues and reproductive organs; human cells and tissues in civil law; artificial insemination; in vitro fertilization; IVF; methods of assisted reproductive technologies; contract for the provision of paid medical services; contract for the provision of surrogacy services

For citation. Dzhulai, D. I. (2025). Resolving common disputes between genetic parents and surrogates in Russian surrogacy arrangements. *Russian Studies in Law and Politics / Российские исследования. Право и политика*, 9(3), 125–150. <https://doi.org/10.12731/2576-9634-2025-9-3-241>

Введение

Актуальность настоящей статьи обеспечивается тем фактом, что в современном правовом дискурсе вопросы регулирования суррогатного материнства остаются одними из наиболее противоречивых и социально значимых. Объектом исследования в данной работе выступает комплекс гражданско-правовых и семейно-правовых отношений, возникающих между генетическими родителями и суррогатной матерью при заключении и исполнении договора об оказании услуг суррогатного материнства. Дополнительная актуальность исследования обусловлена тем, что, несмотря на сравнительно длительный период применения данной вспомогательной репродуктивной технологии в России, ключевые аспекты правового статуса сторон, пределы их прав и обязанностей, а также механизмы разрешения споров по-прежнему не получили комплексного и внутренне непротиворечивого законодательного закрепления. Анализ отечественной и зарубежной литературы (в т. ч. профильных исследований авторов С. С. Алеевой, Н. Ю. Белокопытовой, В. Р.

Борисовой, Д. Г. Василевича, А. А. Грасько, О. В. Дьяченко, Л. В. Зарапиной, К. А. У. Макмиллан, И. С. Мерзляковой, Е. С. Резника, Р. Ф. Сторроу, Е. Г. Телегиной, А. Н. Тихоновой, Е. В. Федоровой и др.) демонстрирует, что существующие труды затрагивают отдельные вопросы правового режима суррогатного материнства и родительских прав, однако не содержат системного анализа судебной практики по типовым моделям споров и выводов о необходимости пересмотра фундаментальной презумпции материнства. Настоящая статья восполняет данный пробел – с опорой на действующее законодательство, актуальную практику и ключевые доктринальные позиции в российской и зарубежной литературе.

Целью исследования является обоснование приоритетности генетического родительства над презумпцией материнства и выявление практических направлений совершенствования законодательства. В соответствии с заявленной целью в рамках текущего исследования поставлены следующие задачи:

1. проследить историю мировой судебной практики и ее влияние на современное понимание института суррогатного материнства и презумпции материнства в российском праве;
2. классифицировать типовые модели споров между генетическими родителями и суррогатной матерью и обосновать целесообразность отмены презумпции материнства в пользу приоритета генетического родительства;
3. рассмотреть судебную практику по спорам об отказе генетических родителей принять ребенка и предложить механизм защиты прав суррогатной матери;
4. проанализировать споры об отказе ЗАГС регистрировать генетических родителей при анонимном донорстве и сформулировать предложения по устранению правовых пробелов и дискриминационных ограничений;
5. дать комплексную оценку изменениям законодательства 2022 г., выявить их противоречия с конституционными принципами и наметить направления законодательного совершенствования института суррогатного материнства;

Материалы и методы

Исследование выполнено с использованием методов сравнительно-правового и формально-юридического анализа, метода толкования судебных актов и принципа историко-правовой реконструкции. Материалом послужили опубликованные решения российских судов общей юрисдикции, акты толкования Конституционного суда и Верховного Суда РФ, а также статьи и рецензируемые публикации за период 2018–2024 гг. Отдельное внимание уделено сопоставлению зарубежных прецедентов с российской практикой и их правовой оценкой в научной литературе.

Результаты и обсуждение

Введение в проблематику. Историческая справка

Как справедливо отмечает заведующий кафедрой гражданского права Высшей школы права Городского Университета Нью-Йорка профессор Р. Ф. Сторроу, не будет грубым обобщением озвучить устоявшийся в академической среде тезис о том, что *практика возникновения конфликтов между генетическими родителями и гестационной носителем плода (суррогатной матерью) сопровождает гражданско-правовые отношения сторон на протяжении всей истории существования суррогатного материнства как вспомогательной репродуктивной технологии* [26, р. 25-41]. В частности, первый же успешный опыт применения метода гестационного суррогатного материнства был *сопряжен с этико-правовым конфликтом, который станет одним из центральных для всех последующих десятилетий регулирования вспомогательных репродуктивных технологий во всем мире (включая современный этап развития семейного и гражданского законодательства в России)*. Так, в 1986 г. после рождения М. Стерн, первого в мире ребенка, выношенного суррогатной матерью М. Б. Уайтхэд по договору с генетическими родителями У. и Э. Стернами, между сторонами возник *спор о регистрации родительских прав в отношении новорожденной девочки как о предмете договора суррогатного материнства – тоже первый в своем роде* [24, р. 72].

В результате специфика по-своему новаторского юридического оформления принципиально новых для гражданско-правового оборота отношений и рискованный характер самого эксперимента по реализации программы гестационного вынашивания плода обусловили собой резонансный характер судебного спора «*Стернов против Уайтхэд*» (ориг. англ. «*Sterns v. Whitehead*»), итогом рассмотрения которого стало прецедентное *Решение Верховного суда штата Нью-Джерси № 109 N.J. 396 «По делу о суррогатном материнстве (In re Baby M)» от 03.02.1988 г.* (ориг. англ. «*First Surrogacy Case. In re Baby M*», 537 A.2d 1227, 109 N.J. 396 (N.J. 02/03/1988)») [15]. В соответствии с выводами, сделанными Верховным судом штата, рассматривая дело, судебная коллегия, в первую очередь, исходила из того, что на момент возникновения спора правовая конструкция договора суррогатного материнства фактически отсутствовала в американском гражданском и семейном законодательстве, в следствие чего суд признал, что с формально-юридической точки зрения именно женщина, выносившая и родившая ребенка – М. Уайтхэд «*обладает всеми признаками законной матери*». Вместе с тем, руководствуясь принципом приоритета интересов ребенка и принимая во внимание совокупность обстоятельств (в т. ч. уровень материального положения семьи Стерн, готовность биологического отца обеспечить должный уход и воспитание), суд пришел к выводу о целесообразности передачи опеки над М. Стерн биологическому отцу – У. Стерну и его супруге Э. Стерн (которая не была признана матерью ребенка, но смогла удочерить генетическую дочь впоследствии).

В контексте анализа современной практики примечательным представляется тот парадоксальный факт, что описанные выше позиции и выводы, оформленные в виде решения суда, вынесенного более тридцати лет назад в относительно герметичной американской правовой среде, сохраняют свою актуальность и оказывают влияние на законодательство и правоприменение не только в США, но и во всем мире, в т. ч. – в России и Европе. Историческая «*тень*» дела «*Стернов против Уайтхэд*» находит свое отражение в определении ключевых для репродуктивного законодательства большин-

ства современных стран концепций и категорий – будь то опора на *примат интересов ребенка* при возникновении спорных ситуаций вокруг признания родительских прав по результатам проведения программы суррогатного материнства, *запрет на отчуждение биологических материалов человека в отсутствие информированного добровольного согласия* на медицинское вмешательство или впервые сформулированная Верховным судом штата Нью-Джерси [15] *презумпция материнства*, которая выступает одним из самых спорных и часто критикуемых институтов современного гражданского и семейного права в странах, где практика гестационного вынашивания плода не запрещена законом – в т. ч. в России, где конституционность норм, закрепляющих соответствующий институт, была подтверждена практикой Конституционного суда РФ.

Типовые модели споров между участниками (сторонами) договора об оказании услуг суррогатного материнства

В частности, с опорой на анализ судебной практики последних лет и наиболее актуальных исследований российских авторов (в т. ч. профильных работ Е. В. Федоровой, И. С. Мерзляковой, Е. Г. Телегиной, А. А. Грасько, А. Н. Тихонова, Е. С. Резника, Л. В. Зарипиной, Н. Ю. Белокопытова, О. В. Дьяченко, В. Р. Борисовой, С. С. Алеевой и др.) к рассмотрению предлагаются следующие типовые модели споров между участниками (сторонами) договора об оказании услуг суррогатного материнства:

1. споры вследствие реализации суррогатной матерью презумпции материнства (оспаривание суррогатной матерью родительских прав генетических родителей);
2. споры ввиду неблагоприятного исхода реализации программы суррогатного материнства (отказ генетических родителей принять ребенка по причине серьезных нарушений здоровья, несоответствия ожиданиям или медицинской ошибки);
3. споры вследствие проблем анонимного участия сторон в программе суррогатного материнства (отказ регистрирующих органов в записи генетических родителей при анонимном участии сторон).

Типовая модель №1. Споры вследствие реализации суррогатной матерью презумпции материнства

Так, первой и наиболее характерной для договора об оказании услуг суррогатного материнства выступает ранее названная *категория споров вследствие реализации суррогатной матерью презумпции материнства*. Чтобы проследить истоки конфликта, возникающие в рамках исследуемой типовой модели, следует обозначить некоторые особенности структуры актуальной формы договора об оказании услуг суррогатного материнства в России, определяющие элементы семейно-правового содержания гражданско-правовых правоотношений: так, в силу юридической природы соответствующего соглашения в качестве ключевых условий исполнения его предмета выступают обязательство суррогатной матери пройти процедуру имплантации эмбриона (*после осуществления ЭКО*), выносить, родить и передать опеку над ребенком донорам биологического материала (*генетическим родителям*), а также встречная обязанность генетических родителей оплатить оказанные услуги.

При этом, несмотря на то, что положениями *ст. 55 Федерального закона №323-ФЗ от 21.11.2011 г. «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»* (далее – *ФЗ №323 «Об основах охраны здоровья»*) предусмотрена возможность безвозмездного оказания услуг суррогатного материнства (*с обязательством оплаты текущих расходов суррогатной матери со стороны генетических родителей*), на практике наиболее распространена модель участия суррогатных матерей на коммерческой основе (*взамен на установленное договором вознаграждение*) [3]. Следовательно, семейно-правовая специфика исследуемой договорной конструкции не только предполагает *формирование особых оснований для возникновения у генетических родителей родительских прав в отношении ребенка*, но и определяют специфическое содержание предмета соглашения, которым выступает *не физическая передача ребенка, а передача его под опеку генетических родителей*, что, с одной стороны, соответствует конституционно-правовому и международному запрету на овеществление человеческой личности, а с другой – исключает из

предмета договора любые элементы, связанные с императивной фиксацией судьбы будущего ребенка.

Более того, в соответствии с ч. 4 ст. 51 Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ), генетические родители могут быть записаны родителями ребенка только с согласия суррогатной матери, которая обладает приоритетным правом на оспаривание их родительских прав [2]. При этом в силу предусмотренного ч. 1 ст. 48 СК РФ порядка установления происхождения ребенка и записи родителей книге записей рождений основанием для записи женщины в качестве матери ребенка признаются документы, подтверждающие рождение ребенка в медицинской организации, безотносительно к участию женщины во вспомогательной репродуктивной программе в качестве гестационного носителя по договору с генетическими родителями [2].

Таким образом, споры вследствие реализации суррогатной матерью презумпции материнства предполагают возникновение ситуации, при которой суррогатная мать, исполнившая программу экстракорпорального оплодотворения и гестации, выносившая и родившая ребенка в рамках программы суррогатного материнства, отказывается передавать новорожденного под опеку генетических родителей и не дает письменного согласия на их регистрацию в органах записи актов гражданского состояния (далее – ЗАГС), несмотря на наличие заключенного и частично исполненного договора. В результате, как подчеркивает автор сравнительно-правового исследования «Суррогатное материнство: белорусский и российский опыт» Д. Г. Василевич, право женщины, родившей ребенка, опирается не только на букву семейного законодательства, но и на конституционный принцип охраны материнства, что в условиях фрагментарности норм о регулировании правоотношений суррогатного материнства *создает устойчивую коллизию между публично-правовым порядком защиты институтов материнства и детства и частноправовой природой договора* [18, с. 36-43].

При разрешении данной категории споров (см. например, *Решение Василеостровского районного суда г. Санкт-Петербурга №1162/2017 по делу №М-3567/2015 от 17.05.2017 г.*) суды, как пра-

вило, опираются на подход, продиктованный положениями *п. 16 и 31 Постановления Пленума Верховного Суда РФ №16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» от 16.05.2017 г.* [5, 12] и закрепленный на уровне практики *Постановлением Верховного Суда РФ № 4-КГ23-41-К1 от 22.04.2023 г.* [7] – таковой подход предполагает специфическую модель обеспечения баланса между безусловным конституционным правом генетических родителей на реализацию их отцовской и материнской ролей и установленной *ст. 48 и 51 СК РФ* презумпцией материнства. В частности, в соответствии с указанными положениями, в отношении рассматриваемых прав предусмотрено два значительных изъятия.

Так, с одной стороны, в силу примата интересов ребенка, в рамках споров об оспаривании суррогатной матерью родительских прав генетических родителей последние обязаны доказать, что их права на ребенка обеспечены не только биологическим родством, но и возможностью для предоставления ребенку лучших возможных условий для достойной жизни и воспитания в полной семье (*т. е. на практике факт генетического родства между донорами биологических материалов и ребенком, рожденной суррогатной матерью, не являются определяющим при рассмотрении судами данной категории дел*). Однако в то же время, в соответствии с *п. 31 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 №16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей»*: «в случае, если суррогатная мать отказалась дать согласие на запись родителями указанных выше лиц (потенциальных родителей), то данное обстоятельство не может служить безусловным основанием для отказа в удовлетворении иска этих лиц о признании их родителями ребенка и передаче им ребенка на воспитание», т. е. фактор презумпции материнства также ограничен необходимостью обоснования того, что отказ суррогатной матери от передачи ребенка не нарушает его приоритетного права на проживание и воспитание в наиболее благоприятной среде [5].

Типовая модель №2. Споры ввиду неблагоприятного исхода реализации программы суррогатного материнства (отказ генетических родителей принять ребенка по причине серьезных нарушений здоровья, несоответствия ожиданиям или медицинской ошибки)

Вторая типовая модель конфликта между сторонами затрагивает ситуации, когда *генетические родители, выступающие стороной договора о предоставлении услуг суррогатного материнства, отказываются принять новорожденного, мотивируя свой отказ тяжелыми заболеваниями ребенка, врожденными пороками развития или иными существенными отклонениями*, которые делают дальнейшее исполнение родительских обязанностей крайне затруднительным или не соответствующим их изначальным намерениям. Например, как отмечает С. С. Алеева, судебной практике известен случай, когда генетические родители отказались принимать ребенка от суррогатной матери, *по причине того, что новорожденный страдал врожденным пороком сердца* – в результате, по словам автора, такие дела представляют собой одну из наиболее уязвимых с этической и правовой точек зрения категорий, т. к. в подобной ситуации суррогатная мать, не имея по сути правовых оснований требовать принудительного исполнения договора о передаче ребенка, вынуждена нести бремя содержания и воспитания, либо оспаривать статус родителя через суд [16, с. 32-37]. В свою очередь, генетические родители, как правило, ссылаются на наличие «*дефекта*» результата исполнения договора в виде рождения ребенка с тяжелыми патологиями, а в отдельных случаях утверждают невозможность выполнения родительских функций по семейным или экономическим причинам.

Таким образом, в условиях отсутствия специальной нормы, прямо закрепляющей обязательность принятия генетическими родителями ребенка, родившегося от суррогатной матери, споры данной категории неизбежно приобретают комплексный характер и ставят перед судами необходимость соотносить интересы всех участников договора с основополагающим принципом охраны прав и законных интересов ребенка, установленным в качестве ключевого положениями *п. 16 и 31 Постановления Пленума Верховного Суда*

РФ №16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» от 16.05.2017 г. [5]. В то же время сложность анализа исследуемой категории споров усугубляется тем, что абсолютное большинство судебных актов в отношении определения судьбы ребенка, зачатого при помощи процедуры ЭКО и выношенного суррогатной матерью, не только подразумевают рассмотрение дела в закрытом порядке (в силу положений ч. 2 ст. 10 ГПК РФ об охране тайны происхождения ребенка и неприкосновенности частной жизни граждан), но и становятся недоступны для публичного размещения и ознакомления на цифровых ресурсах государственных автоматизированных систем – таких как ГАС «Правосудие» или официальная база судебных актов и нормативных документов «СудАкт».

Тем не менее, с учетом содержания обзоров практики и доктринальных позиций представляется возможным говорить о существовании устоявшихся подходов российских судов в сфере рассмотрения споров об отказе генетических родителей принять ребенка по причине серьезных нарушений здоровья, несоответствия ожиданиям или медицинской ошибки:

- во-первых, как справедливо подчеркивает ряд авторов (например, С. С. Алеева, В. Р. Борисова) [17, с. 229-232], на практике правоприменитель последовательно исходит из устоявшейся и подтверждаемой положениями Постановления Пленума Верховного Суда РФ №16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» от 16.05.2017 г. предпосылки о том, что рождение ребенка как биологический факт [5] не может рассматриваться как услуга в классическом понимании этого слова, т. к. договор суррогатного материнства выходит за рамки «традиционной» модели возмездного оказания услуг, в которой результат либо гарантирован, либо связан с контролируемым действием исполнителя (см., например, разъяснение в рамках Постановления Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда № А25-2825 по делу № 16АП-1518/2018 от 26.05.2020 г.) [11];

- *во-вторых*, из предыдущего тезиса следует, что любая возможность квалификации предмета договора как вещного (или *качественного медицинского*) результата невозможна – ведь предмет договора составляют именно действия, а не результат реализации вспомогательной репродуктивной программы, тем более – не сам ребенок и не его физиологические характеристики, следовательно, в этой логике *суррогатная мать не несет и не может нести ответственность за результат исполнения вспомогательной репродуктивной программы, который выходит за пределы предмета исследуемой договорной конструкции*.

В то же время в научной доктрине и академических источниках подчеркивается, что ключевая проблема рассматриваемой категории споров заключается в отсутствии четкого регулирования условий договора суррогатного материнства, в условиях которого генетические родители могут пытаться уклониться от исполнения своих обязанностей при неблагоприятном исходе программы ВРТ и возложить ответственность на суррогатную мать, которая в рамках данной категории споров является наименее защищенной стороне правоотношений. В частности, А. Н. Тихонов подчеркивает необходимость закрепления специальной нормы, обязывающей признавать за родителями статус лиц, давших согласие на использование их биоматериала, даже в случае врачебной ошибки или дефектного результата [21, с. 47-54]. С. С. Алеева также указывает на необходимость закрепления механизма принуждения генетических родителей к фактическому исполнению родительских обязанностей и принятию ответственности за судьбу их генетического [16, с. 32-37].

Типовая модель №3. Споры вследствие проблем анонимного участия сторон в программе суррогатного материнства (отказ регистрирующих органов в записи генетических родителей при анонимном участии сторон)

Наконец, споры, *возникающие вследствие анонимного участия одной или нескольких сторон в программе суррогатного материнства*, относятся к числу наиболее сложных для судебного рассмотрения, поскольку затрагивают одновременно вопросы конфиденциальности

данных донора (*генетического родителя*), раскрытия и доказывания биологической связи при регистрации рождения (*установления личности родителей в книге записей рождения*) и формальные полномочия органов ЗАГС при отказе в регистрации родителей. На практике, соответствующая категория дел, как правило, представлена ситуациями, когда в процессе ВРТ используется донорский материал без раскрытия личности донора, т. е. одна из сторон сохраняет анонимный статус, чтобы избежать имущественных или личных последствий, в то время как органы ЗАГС отказывают в регистрации генетических родителей как родителей ребенка, ссылаясь на отсутствие доказательств родства или надлежаще оформленных документов.

Как правило, оспаривая отказ регистрирующих органов в записи генетических родителей при анонимном участии сторон, генетические родители заявляют о своем праве быть записанными родителями, даже если изначально участие донора или использование биоматериала не было раскрыто или оформлено ненадлежащим образом, а органы ЗАГС ссылаются на отсутствие полного основания для записи (*например, вследствие не предоставления одним из родителей информированного добровольного согласия анонимной стороны*). При этом суррогатная мать также может быть заинтересована в оспаривании действий регистрирующего органа, если в силу презумпции материнства отказ регистрировать генетических родителей фактически обязывает ее сохранять за собой статус единственного родителя (*с правовыми и финансовыми последствиями*).

Примечательно, что с принятием в 2022 г. *Федерального закона №538-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 19.12.2022 г.* стройная логика, о допустимости участия в программе суррогатного материнства одиноких родителей посредством обращения к услугам анонимных доноров генетического материала, была полностью перечеркнута [4]. В частности, как отмечалось ранее, после поправок 2022 г. новая противоречивая и местами неудачная редакция ч. 4 ст. 55 *ФЗ №323 «Об основах охраны здоровья»* закрепила право на применение ВРТ лишь за одинокой женщиной, ограничив доступ к

программе суррогатного материнства одиноких мужчин [3]. Таким образом, современная практика рассмотрения споров вследствие отказа регистрирующих органов в записи генетических родителей при анонимном участии сторон однозначно указывает на дисбаланс обеспечения прав на отцовство и материнства в рамках применения вспомогательных репродуктивных программ.

В литературе подчеркивается, что анонимность донорского участия сама по себе не должна блокировать реализацию прав на установление происхождения ребенка, если при этом доказана его генетическая связь с заявленным родителем. Так, по мнению А. Н. Тихонова, отсутствие раскрытых сведений о доноре не должно перекладывать на ребенка негативные последствия, а государственная регистрация происхождения не должна прямо зависеть формальных изъятий в соглашении об оказании услуг суррогатного материнства или пробелов в медицинской документации. Ряд авторов также справедливо подчеркивает необходимость нормативного закрепления механизма, при котором органы ЗАГС в подобных случаях были бы обязаны принимать во внимание заключения специализированных медицинских организаций, подтверждающих факт использования генетического материала конкретного лица. В частности, Л. В. Зарапина и Н. Ю. Белокопытова и О. В. Дьяченко подчеркивают, что именно означенный элемент в форме признание приоритета генетической связи должен выступать ключевым критерием при разрешении вопросов о праве на запись родителем при анонимном донорстве [19, с. 103-108].

Заключение

Подводя итоги проведенного исследования, к рассмотрению предлагаются следующие положения и обобщенные выводы, вытекающие из анализа исторических предпосылок, нормативных коллизий и особенностей современной судебной практики по разрешению споров между генетическими родителями и суррогатной матерью. Ниже представлены основные зависимости и взаимосвязи, установленные в ходе изучения выбранной проблематики.

1. Сделан вывод о том, что важнейшие этико-правовые вопросы, сопровождающие институт суррогатного материнства на протяжении всей истории регулирования данного института и сформулированные в рамках прецедентного во всех смыслах Решения Верховного суда штата Нью-Джерси по делу *«Стернов против Уайтхэд»*, продолжают оказывать существенное влияние на современный дискурс о правовом регулировании суррогатного материнства – в т. ч. в России. Как подчеркивается рядом исследователей, такие традиционные институты как презумпция материнства (*ограниченная приоритетом интересов ребенка*) или формальный подход к оценке доказательств о генетическом родстве продолжают оказывать системное влияние на конституционно-правовую оценку и судебную практику в России – в т. ч. посредством *Определения Конституционного Суда РФ №2318-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан С.Д. и С.Т. на нарушение их конституционных прав пунктом 4 статьи 51, пунктом 3 статьи 52 Семейного кодекса Российской Федерации, пунктом 5 статьи 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния», частью 9 статьи 55 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 27.09.2018 г.*, подтвердившего допустимость действующей модели, несмотря на наличие устойчивой критики со стороны представителей современной доктрины семейного права.

2. Анализ типовых моделей споров показывает, что сама сохранившаяся в действующем российском законодательстве презумпция материнства (*закрепленная ч. 4 ст. 51 СК РФ*) является архаичной конструкцией, несправедливо и безосновательно утверждающей приоритет воли суррогатной матери в отношении генетически чужого ребенка над конституционными правами его настоящих родителей. В этом контексте правоприменительная практика и разъяснения, закрепленные *Постановлением Пленума Верховного Суда РФ №16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» от 16.05.2017 г.*, хотя и служат минимально необходимой процессуальной гарантией для ее ограниченного применения в пользу обеспечения приоритета

интересов ребенка, de facto являются функциональной надстройкой, частично нивелирующей негативный эффект изначально деструктивного и неэтичного института [5]. В перспективе предполагается целесообразным полное упразднение презумпции материнства в делах о суррогатном материнстве и закрепление абсолютного права генетических родителей на установление родительских прав при доказанности биологической связи.

3. В то же время системный анализ практики по спорам, возникающим при отказе генетических родителей принять ребенка, подтверждает вывод о необходимости законодательно закреплённого механизма автоматического признания родительских прав генетических родителей. В означенном контексте – для целей защиты прав самой суррогатной матери. В условиях признания приоритета генетического родительства и упразднения презумпции материнства законодатель должен дополнительно предусмотреть механизм обязательного исполнения условий договора или материальную ответственность генетических родителей, что исключило бы злоупотребления правом на отказ и гарантировало суррогатной матери полную правовую защищенность от бремени ухода за генетически чужим ребенком.

4. В свою очередь, анализ споров об отказе органов ЗАГС регистрировать генетических родителей при анонимном участии сторон обнажает серьезные пробелы действующего регулирования, которые по сути подрывают реализацию конституционного права на отцовство и материнство. Представляется, что отсутствие раскрытых сведений о доноре или формальных согласий не должно рассматриваться в качестве безусловного основания для отказа в установлении происхождения ребенка, если доказана его генетическая связь с заявленным родителем. В то же время изменения, связанные с принятием в 2022 г. *Федерального закона №538-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 19.12.2022 г.* и введенный запрет на участие в программе суррогатного материнства одиноких мужчин должны быть прямо квалифицированы как противоречащие основам конституционного строя и устранены посредством признания права на применение

вспомогательных репродуктивных технологий безотносительно к полу родителя, равно как и посредством гарантии того, что факт анонимного участия донора в программе ВРТ не может лишить ребенка и родителя установления законного происхождения.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). *СПС КонсультантПлюс*. Получено с https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 28.01.2024).
2. Семейный кодекс Российской Федерации № 223-ФЗ от 29.12.1995 г. (последняя редакция). *СПС КонсультантПлюс*. Получено с https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/062dc2e007c56e8d7bef623d85e867a4b0e99a1d/ (дата обращения: 14.07.2025).
3. Федеральный закон № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 г. (последняя редакция). *СПС КонсультантПлюс*. Получено с https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/1b2f0b377563c81357ffcf750bada74a3c69f37/ (дата обращения: 14.07.2025).
4. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» № 538-ФЗ от 19.12.2022. *СПС КонсультантПлюс*. Получено с https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_434588/ (дата обращения: 14.07.2025).
5. Конституционный Суд Российской Федерации. (2012). *Определение № 880-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Ч. П. и Ч. Ю. на нарушение их конституционных прав положениями пункта 4 статьи 51 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 5 статьи 16 Федерального закона „Об актах гражданского состояния“» от 15.05.2012 г.* *СПС КонсультантПлюс*. Получено с https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131275/ (дата обращения: 14.07.2025).
6. Пленум Верховного Суда Российской Федерации. (2017). *Постановление № 16 «О применении судами законодательства при*

- рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» от 16.05.2017 г. СПС КонсультантПлюс. Получено с https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216881/?ysclid=m4hsdhcymw902306460 (дата обращения: 14.07.2025).*
7. Верховный Суд Российской Федерации. (2023). *Постановление № 4-КГ23-41-К1 от 22.04.2023 г. СПС КонсультантПлюс. Получено с https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_43441/?ysclid=m4hsdhcymw902306460 (дата обращения: 14.07.2025).*
 8. Калининский районный суд города Санкт-Петербурга. (2009). *Решение по делу № 2-4104 от 05.08.2009 г. Официальный портал Единой электронной базы данных судебных актов, судебных решений и нормативных документов «sudact.ru».* Получено с <https://sudact.ru/regular/court/reshenya-kalininskii-raionnyi-sud-gorod-sankt-peterburg/?ysclid=m4hsbo5ggs774679963> (дата обращения: 14.07.2025).
 9. Смольнинский районный суд города Санкт-Петербурга. (2010). *Решение по делу № 2-3927/10 от 06.09.2010 г. Официальный портал Единой электронной базы данных судебных актов, судебных решений и нормативных документов «sudact.ru».* Получено с <https://sudact.ru/regular/court/reshenya-smolninskii-raionnyi-sud-gorod-sankt-peterburg/?ysclid=m4hscbhvs3984902453> (дата обращения: 14.07.2025).
 10. Бабушкинский районный суд города Москвы. (2010). *Решение по делу № 2-2745/10 от 04.08.2010 г. Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы.* Получено с <https://mos-gorsud.ru/rs/babushkinskij/services/cases/civil/details/b14ff62d-d965-478e-9733-e4ee19ffc63f?ysclid=m4ady3me4x400684498> (дата обращения: 28.07.2025).
 11. Шестнадцатый арбитражный апелляционный суд. (2020). *Постановление № А25-2825 по делу № 16АП-1518/2018 от 26.05.2020 г. СПС «Гарант».* Получено с <https://base.garant.ru/64545691/> (дата обращения: 14.07.2025).
 12. Василеостровский районный суд города Санкт-Петербурга. (2017). *Решение № 1162/2017 по делу № М-3567/2015 от*

- 17.05.2017 г. Официальный портал Единой электронной базы данных судебных актов, судебных решений и нормативных документов «sudact.ru» (архивная версия; документ снят с публикации).
13. Дзержинский районный суд города Санкт-Петербурга. (2019). *Решение по делу № 2-2498/2019 от 23.12.2019 г. Официальный портал Единой электронной базы данных судебных актов, судебных решений и нормативных документов «sudact.ru»* (архивная версия; документ снят с публикации).
 14. Дзержинский районный суд города Санкт-Петербурга. (2020). *Решение по делу № 2-980/2020 от 08.04.2020 г. Официальный портал Единой электронной базы данных судебных актов, судебных решений и нормативных документов «sudact.ru»* (архивная версия; документ снят с публикации).
 15. Supreme Court of New Jersey. (1988). *Decision № 109 N.J. 396 «In re Baby M» (Surrogacy case) from 03.02.1988*. Получено с <https://www.govinfo.gov/cases/new-jersey/supreme-court/1988/109-n-j-396-1.html> (дата обращения: 12.12.2024).
 16. Алеева, С. С. (2022). Нарушение условий исполнения договора о суррогатном материнстве. *Образование и право, (12)*, 32–37. <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2022-12-152-155>. EDN: <https://elibrary.ru/GNELOV>
 17. Борисова, В. Р. (2022). Природа договора суррогатного материнства. *Закон и право, (3)*, 229–232. <https://doi.org/10.24412/2073-3313-2022-3-229-232>. EDN: <https://elibrary.ru/TNDHEB>
 18. Василевич, Д. Г. (2023). Суррогатное материнство: белорусский и российский опыт. *Вестник экономической безопасности, (1)*, 36–43. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-36-43>. EDN: <https://elibrary.ru/HFYOW>
 19. Зарапина, Л. В., Белокопытова, Н. Ю., & Дьяченко, О. В. (2021). Понятие и правовая природа суррогатного материнства. *Юридический вестник Дагестанского государственного университета, 39(3)*, 103–108. <https://doi.org/10.21779/2224-0241-2021-39-3-103-108>. EDN: <https://elibrary.ru/MTNHOC>

20. Резник, Е. С. (2018). От проекта к воплощению: отказ от исключительного права суррогатной матери. *Юридические исследования*, (12), 36–48. <https://doi.org/10.25136/2409-7136.2018.12.27300>. EDN: <https://elibrary.ru/OKIHUU>
21. Телегина, Е. Г., & Грасько, А. А. (2018). Проблемы установления родительских прав и прав ребёнка в институте суррогатного материнства. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*, (6), 150–155. EDN: <https://elibrary.ru/YTIBJR>
22. Тихонов, А. Н. (2022). Установление происхождения ребёнка, рождённого суррогатной матерью. *Российское право: образование, практика, наука*, (2), 47–54. https://doi.org/10.34076/2410_2709_2022_2_47. EDN: <https://elibrary.ru/JQDVZY>
23. Фёдорова, Е. В., & Мерзлякова, И. С. (2022). Репродуктивные технологии как основание возникновения родительских прав и обязанностей. *Скиф. Вопросы студенческой науки*, (1(65)), 228–233. EDN: <https://elibrary.ru/FNERFX>
24. Gerber, P., & O’Byrne, K. (2015). *Surrogacy, law and human rights*. London: Routledge.
25. McMillan, C. A. W. (2021). *The human embryo in vitro: Breaking the legal stalemate*. Cambridge: Cambridge University Press.
26. Storrow, R. F. (2024). Gender identity and birth certificates: The surrogacy nexus. *Michigan Journal of Gender & Law*, 31(1), 25–41.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the nationwide vote on July 1, 2020). *ConsultantPlus Legal Reference System*. Retrieved from https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (accessed: 28.01.2024).
2. The Family Code of the Russian Federation No. 223-FZ dated December 29, 1995 (latest revision). *ConsultantPlus Legal Reference System*. Retrieved from https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/062dc2e007c56e8d7bef623d85e867a4b0e99a1d/ (accessed: 14.07.2025).

3. Federal Law No. 323-FZ «On the Fundamentals of Protecting the Health of Citizens in the Russian Federation» dated November 21, 2011 (latest revision). *ConsultantPlus Legal Reference System*. Retrieved from https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/1b2f0b-377563c81357ffcf750bada74a3c69f37/ (accessed: 14.07.2025).
4. Federal Law «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» No. 538-FZ dated December 19, 2022. *ConsultantPlus Legal Reference System*. Retrieved from https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_434588/ (accessed: 14.07.2025).
5. Constitutional Court of the Russian Federation. (2012). Ruling No. 880-O «On refusal to accept for consideration the complaint of citizens Ch. P. and Ch. Yu. regarding the violation of their constitutional rights by provisions of Article 51(4) of the Family Code of the Russian Federation and Article 16(5) of the Federal Law „On Acts of Civil Status“» dated May 15, 2012. *ConsultantPlus Legal Reference System*. Retrieved from https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131275/ (accessed: 14.07.2025).
6. Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. (2017). Resolution No. 16 «On the application of legislation by courts when considering cases related to establishing the origin of children» dated May 16, 2017. *ConsultantPlus Legal Reference System*. Retrieved from https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216881/?ysclid=m4hsdhcymw902306460 (accessed: 14.07.2025).
7. Supreme Court of the Russian Federation. (2023). Resolution No. 4-KG23-41-K1 dated April 22, 2023. *ConsultantPlus Legal Reference System*. Retrieved from https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_43441/?ysclid=m4hsdhcymw902306460 (accessed: 14.07.2025).
8. Kalininsky District Court of Saint Petersburg. (2009). Decision in case No. 2-4104 dated August 5, 2009. *Official Portal of the Unified Electronic Database of Judicial Acts, Court Decisions, and Regulatory Documents «sudact.ru»*. Retrieved from <https://sudact.ru/regular/court/reshenya-kalininskii-raionnyi-sud-gorod-sankt-peterburg/?ysclid=m4hs-bo5ggs774679963> (accessed: 14.07.2025).

9. Smolninsky District Court of Saint Petersburg. (2010). Decision in case No. 2-3927/10 dated September 6, 2010. *Official Portal of the Unified Electronic Database of Judicial Acts, Court Decisions, and Regulatory Documents «sudact.ru»*. Retrieved from <https://sudact.ru/regular/court/reshenya-smolninskii-raionnyi-sud-gorod-sankt-peterburg/?ysclid=m-4hscbhvs3984902453> (accessed: 14.07.2025).
10. Babushkinsky District Court of Moscow. (2010). Decision in case No. 2-2745/10 dated August 4, 2010. *Official Portal of Courts of General Jurisdiction of the City of Moscow*. Retrieved from <https://mos-gorsud.ru/rs/babushkinskij/services/cases/civil/details/b14ff62d-d965-478e-9733-e4ee19ffc63f?ysclid=m4ady3me4x400684498> (accessed: 28.07.2025).
11. Sixteenth Arbitration Appellate Court. (2020). Resolution No. A25-2825 in case No. 16AP-1518/2018 dated May 26, 2020. «Garant» *Legal Reference System*. Retrieved from <https://base.garant.ru/64545691/> (accessed: 14.07.2025).
12. Vasileostrovsky District Court of Saint Petersburg. (2017). Decision No. 1162/2017 in case No. M-3567/2015 dated May 17, 2017. *Official Portal of the Unified Electronic Database of Judicial Acts, Court Decisions, and Regulatory Documents «sudact.ru»* (archived version; document removed from publication).
13. Dzerzhinsky District Court of Saint Petersburg. (2019). Decision in case No. 2-2498/2019 dated December 23, 2019. *Official Portal of the Unified Electronic Database of Judicial Acts, Court Decisions, and Regulatory Documents «sudact.ru»* (archived version; document removed from publication).
14. Dzerzhinsky District Court of Saint Petersburg. (2020). Decision in case No. 2-980/2020 dated April 8, 2020. *Official Portal of the Unified Electronic Database of Judicial Acts, Court Decisions, and Regulatory Documents «sudact.ru»* (archived version; document removed from publication).
15. Supreme Court of New Jersey. (1988). Decision No. 109 N.J. 396 «In re Baby M» (Surrogacy case) dated February 3, 1988. Retrieved from <https://www.govinfo.gov/cases/new-jersey/supreme-court/1988/109-n-j-396-1.html> (accessed: 12.12.2024).

16. Aleeva, S. S. (2022). Violation of the terms of a surrogacy agreement. *Education and Law*, (12), 32–37. <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2022-12-152-155>. EDN: <https://elibrary.ru/GNELOV>
17. Borisova, V. R. (2022). The nature of the surrogacy contract. *Law and Legislation*, (3), 229–232. <https://doi.org/10.24412/2073-3313-2022-3-229-232>. EDN: <https://elibrary.ru/TNDHEB>
18. Vasilevich, D. G. (2023). Surrogacy: Belarusian and Russian experience. *Bulletin of Economic Security*, (1), 36–43. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-36-43>. EDN: <https://elibrary.ru/HFYIOW>
19. Zarapina, L. V., Belokopytova, N. Yu., & Dyachenko, O. V. (2021). The concept and legal nature of surrogacy. *Legal Bulletin of Dagestan State University*, 39(3), 103–108. <https://doi.org/10.21779/2224-0241-2021-39-3-103-108>. EDN: <https://elibrary.ru/MTNHOC>
20. Reznik, E. S. (2018). From project to implementation: renunciation of the surrogate mother's exclusive right. *Legal Research*, (12), 36–48. <https://doi.org/10.25136/2409-7136.2018.12.27300>. EDN: <https://elibrary.ru/OKIHUU>
21. Telegina, E. G., & Grasko, A. A. (2018). Issues of establishing parental rights and children's rights in surrogacy. *Bulletin of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod*, (6), 150–155. EDN: <https://elibrary.ru/YTIBJR>
22. Tikhonov, A. N. (2022). Establishing the origin of a child born to a surrogate mother. *Russian Law: Education, Practice, Science*, (2), 47–54. https://doi.org/10.34076/2410_2709_2022_2_47. EDN: <https://elibrary.ru/JQDVZY>
23. Fedorova, E. V., & Merzlyakova, I. S. (2022). Reproductive technologies as the basis for the emergence of parental rights and obligations. *Scythian: Issues of Student Science*, (1(65)), 228–233. EDN: <https://elibrary.ru/FNERFX>
24. Gerber, P., & O'Byrne, K. (2015). *Surrogacy, law and human rights*. London: Routledge.
25. McMillan, C. A. W. (2021). *The human embryo in vitro: Breaking the legal stalemate*. Cambridge: Cambridge University Press.
26. Storrow, R. F. (2024). Gender identity and birth certificates: The surrogacy nexus. *Michigan Journal of Gender & Law*, 31(1), 25–41.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Джулай Дмитрий Иванович, аспирант кафедры частно-правовых
(цивилистических) наук
Университет «Синергия»
ул. Мещанская, 9/14, стр. 1, г. Москва, 129090, Российская
Федерация
ddi@list.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Dmitrii I. Dzhulai, Postgraduate Student of the Department of Private
Law (Civil) Sciences
Synergy University
9/14, building 1, Meshchanskaya Str., Moscow, 129090, Russian
Federation
ddi@list.ru

Поступила 02.08.2025

После рецензирования 14.08.2025

Принята 20.08.2025

Received 02.08.2025

Revised 14.08.2025

Accepted 20.08.2025